

На правах рукописи

Фокина Ксения Васильевна

**АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В ДРУЖЕСКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале писем швейцарского писателя XX века Макса Фриша)**

Специальность: 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Саратов – 2010

Работа выполнена на кафедре немецкого языка
Педагогического института
Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского

Научный руководитель кандидат филологических наук, доцент
Ступина Татьяна Николаевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Митягина Вера Александровна

кандидат филологических наук, доцент
Шаповалова Ольга Николаевна

Ведущая организация: Педагогический институт
Южного федерального университета

Защита состоится «23» декабря 2010 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 при Саратовском государственном университете имени Н.Г.Чернышевского по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Саратовского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского.

Автореферат разослан «23» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю. Н. Борисов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Современные процессы интенсификации как межличностных, так и межкультурных контактов обуславливают фокус исследовательского внимания на личности индивидуума как представителя отдельного лингвосоциума с присущими ему особенностями языкового сознания, феномен которого позволяет теоретически обосновать взаимосвязь языка и сознания, иначе говоря, объектов лингвистических и социопсихологических исследований.

Особый интерес в указанном ключе представляет собой языковое сознание творческой личности как генератора национальной культуры отдельного лингвосоциума, вербализованное в художественных произведениях и эго-документах и отражающее определенную идеалистическую концепцию индивидуума [Борев 2005], что репрезентируется посредством «феноменологического голоса» или так называемого «говорящего сознания» на письме [Деррида 1967].

В настоящее время особый интерес приобретает изучение эпистолярного наследия представителей творческой интеллигенции в лингвокультурологическом и лингвосоциологическом аспектах. Письма рассматриваются как отражение духовной культуры отдельного индивидуума и социума в целом. Центром изучения особенностей эпистолярных текстов становится языковая личность автора, которая получает наибольшее отражение именно в жанре дружеской переписки. Подобный интерес детерминирован тем, что дружеские письма наиболее приближены к ситуации непосредственного непринужденного общения. Анализируются различные уровни проявления языковой личности: эмоциональный, прагматический, информативный и др. (Е.А. Земская, Л.А. Глинкина, И.И.Ковтунова, И.Н. Кручинина, Н.И. Белунова, F. Beck, В.-А. Rusinek, V. Ackermann, J. Engelbrecht, M. Niethammer, K. Schnegg, K.-H. Ehlers, A. J. La Vopa, R. Dülmen, H. Greyerz, H. Becker и др.).

Актуальность данной работы определяется тем, что в ней находит свое дальнейшее развитие исследование дружеских писем творческой интеллигенции как феномена письменной межличностной коммуникации. Представители элитарной национальной культуры рассматриваются как ретрансляторы национального сознания. Кроме того, дружеский эпистолярный дискурс является пограничной формой письменного и мысленного дискурса, последний из которых также исследован в недостаточной степени, равно как и явление самоидентификации через призму ценностных доминант языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе.

Объектом исследования являются ценностные доминанты языковой личности Макса Фриша как представителя творчески и эмоционально интеллектуальной элиты Швейцарии, представленные в его эпистолярном наследии.

Предметом исследования служат дискурсивные практики как способы экспликации общих и частных ценностей в дружеском эпистолярном дискурсе.

Цель работы – разработать аксиологическую модель творческой языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе с включением уровней общих и частных ценностей, соответствующих типов деконструкций текста и единиц анализа. Реализация цели диссертационного исследования обуславливает решение следующих **задач**:

- Описать феномен письменного языкового сознания творческой личности с позиции междисциплинарного подхода.
- Уточнить понятие дружеского эпистолярного дискурса с учетом своеобразия этнической культуры межличностного общения в немецкоязычных странах.
- Составить речевой и социально-психологический портреты Макса Фриша как представителя творчески и эмоционально интеллектуальной элиты Швейцарии в XX столетии для экспликации общих и частных ценностных доминант его мировоззрения.
- Разработать уровневую аксиологическую модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе по принципу: тип ценности – дискурс-анализ – единицы анализа.
- Определить виды деконструкции текста дружеского письма с учетом семантического, коммуникативно-композиционного и семиотического аспектов для анализа общих ценностных доминант, репрезентированных в текстах писем.
- Выявить языковые средства оформления частных ценностных доминант языковой личности через эксплицитный и имплицитный эмоционально-оценочные модусы высказываний, а также композиционно-речевые формы текста.

Материалом исследования послужили тексты дружеских писем швейцарского писателя XX века Макса Фриша (общим количеством 1100), а также его произведения, дневники, материалы биографического характера (газетные статьи, мемуары, материалы архива Макса Фриша в Цюрихе, стенограммы интервью). К анализу привлекаются также биографические сведения о партнерах по переписке, используемые в качестве доказательной базы для определения дружеского характера переписки и позволяющие верифицировать результаты исследования.

В процессе работы использовались следующие **методы исследования**: метод дискурс-анализа, метод лингвистического моделирования, контент-анализ, интерпретативный и контекстуальный анализ. К исследованию привлекаются понятия смежных наук: философская теория деконструкции письменного текста [Деррида 1967] и психологическая модель самоидентификации личности [Щербаков 1998].

Для достоверности полученных результатов используется метод статистической выборки.

Научная новизна диссертации заключается в построении аксиологической модели творческой языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе на базе лингвокогнитивного подхода. Применение данной модели позволяет эксплицировать систему ценностных доминант из эго-текстов личности как представителя творчески и эмоционально интеллектуальной элиты определенной этнической культуры. В данном исследовании разработаны дискурсивные практики: семантическая деконструкция текста письма для экспликации ценностной доминанты «адресант», коммуникативно-композиционная деконструкция для экспликации ценностной доминанты «адресат», семиотическая – для экспликации ценностной доминанты «письменный канал коммуникации».

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что данная работа вносит вклад в развитие теории лингвистического моделирования, дискурсивных практик, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теории речевых жанров применительно к эпистолярной коммуникации, уточняет методологию соответствующих исследований и их категориальный аппарат.

Практическая ценность состоит в том, что результаты исследования могут найти применение в вузовских курсах по языкознанию, лингвокультурологии, культуре речи, стилистике, а также в спецкурсах по теории дискурса, лингвистике текста, аксиологической и когнитивной лингвистике, социо- и прагмалингвистике, а также на практических занятиях по интерпретации текста.

Методологической и теоретической базой исследования послужили труды ученых в рамках теории коммуникации и социального поведения (В.Г. Зусман, В.П. Конецкая, О.А. Леонтович, В.А. Митягина, А.В. Соколов, С.Г. Тер-Минасова и др.), теории речевых жанров и речевой деятельности (М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, Т.Г. Винокур, В.В. Дементьев, О.П. Фесенко, Л.В. Щерба и др.), языковой личности и языкового сознания (И.Н. Горелов, Ю.Н. Караулов, К.Ф. Седов, О.Б. Сиротина, И.А. Стернин, и др.), разработкой теоретических положений аксиологической лингвистики (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др.). Важнейшим моментом в теоретическом обосновании дискурсивного анализа дружеских писем является теория деконструкции письменного текста (Ж. Деррида, М. Фуко, М.М. Бахтин, Т.Ф. Плеханова).

На защиту выносятся следующие положения:

- Своеобразие культуры межличностного общения в немецкоязычных странах, заключающееся в индивидуалистической тенденции, стремлении сохранить зону личностной автономии, обуславливает включение в рамки эпистолярного дискурса как интимно-

дружеских («я - друг»), так и условно-дружеских писем («я – коллега/друг»).

- Речевой и социально-психологический портреты представителя творческой интеллигенции определенного лингвосоциума позволяют выявить общие ценностные доминанты в его мировоззрении. Наиболее плодотворным для самоидентификации творчески и эмоционально интеллектуальной личности писателя Макса Фриша является социально профессиональный уровень («я – писатель»). Уровнем, претерпевшим наибольшее количество кризисов, является семейно-клановый уровень («я – отец», «я – муж»).

- Наиболее оптимальным описанием языковой личности дружеского эпистолярного дискурса является двухуровневая модель, представляющая собой конструкт, состоящий из уровня общих и уровня частных ценностей. Выявление уровня общих ценностных доминант реализуется посредством семантической, коммуникативно-композиционной и семиотической деконструкций эпистолярного текста. Выявление же уровня частных ценностей базируется на анализе языковых средств оформления эксплицитного и имплицитного эмоционально-оценочных модусов высказываний, а также композиционно-речевых форм.

- Семантическая деконструкция текста дружеского письма нацелена на экспликацию общей ценностной доминанты «адресант», сфокусированной на понятиях «говорящее сознание» и «самоидентификация» адресанта. Посредством данного типа деконструкции возможно проследить смещение сознания адресанта с тем письма на собственную личность: «я – писатель», «я – друг», «я – отец». На поверхностном уровне это выражается в первую очередь в количественном преобладании личных и притяжательных местоимений первого лица.

- Коммуникативно-композиционная деконструкция текста дружеского письма предполагает экспликацию общей ценностной доминанты «адресат» как равноправного субъекта коммуникации, а также выявление апперцептивного фона общения в рассматриваемом дискурсе. Это достигается посредством выделения значимых композиционных составляющих: зачина и концовки, выраженных этикетными формулами обращения, прощания, личной адресации. Варьирование структурой указанных этикетных формул позволяет детерминировать степень дружеского контакта, возможность проникновения адресата в зону личной автономии адресанта.

- Целью семиотической деконструкции текста дружеского письма является экспликация общей ценностной доминанты «канал коммуникации», под которым понимается реальная или воображаемая линия контакта, способствующая движению сообщения от коммуниканта к реципиенту. Для этих целей анализируется знаковая система

параграфемных средств - топографемных (плоскостное варьирование текста, членение на абзацы) и синграфемных (пунктуационные знаки) средств, поскольку в большинстве дружеских писем отсутствует абзацное членение текста. Это компенсируется многообразием пунктуационных знаков для логической последовательности тема-рематических цепей и способствует легкому и логичному восприятию информации в тексте дружеского письма.

- Система частных ценностей, предполагающая положительное или отрицательное отношение Макса Фриша к ценностным доминантам общего порядка, охватывает семантическую триаду: Дружба, Отцовство, Творчество. Данный дискурсивный анализ базируется на выявлении эксплицитного или имплицитного эмоционально-оценочного модуса соответствующих высказываний. Эксплицитный эмоционально-оценочный модус выражается многообразием экспрессивно окрашенных лексических единиц в составе аффективных предикатов. Имплицитный эмоционально-оценочный модус выявляется посредством контекстуального анализа синтаксического построения соответствующих высказываний. Эксплицитный и имплицитный модусы, а также их комбинации детерминируют жанровое пространство описываемого дружеского эпистолярия с преобладанием в нем композиционно-речевых форм оценочной констатации и оценочного резюмирования.

Апробация работы. Материалы данного исследования обсуждались на Международной научно-практической конференции «Языковые и культурные контакты» (г. Саратов, ПИСГУ им. Н.Г. Чернышевского 25 апреля 2006 года), на первой Международной научно-методической конференции по вопросам структурной, функциональной и когнитивной лингвистики (г. Саратов, ПИ СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 26-27 марта 2007 года), на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы» (г. Волгоград, ВГПУ, 21 октября 2008 года), на ежегодных итоговых и научно-методических конференциях преподавателей Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов 2005 – 2010 гг.). Содержание работы отражено в 7 публикациях, в том числе две статьи опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для апробации диссертационных исследований.

Структура работы.

Диссертационное сочинение состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы на русском, немецком и английском языках (272 наименования).

Глава 1 представляет собой теоретико-методологический базис исследования. В рамках данной главы внимание акцентируется на аксиологической картине мира в сознании творчески и эмоционально интеллектуальной личности как представителя определенного

лингвосоциума. С учетом указанных подходов разработана аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе.

В главе II анализируется фактологический материал на базе указанной уровневой модели посредством дискурсивных практик.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В центре диссертационного исследования стоит вопрос о том, что письменная речь как разновидность внешней являет собой фиксированную иллюстрацию сознания языковой личности. Сказанное позволяет акцентировать внимание на письменном сознании, проявляющемся на предварительном этапе во внутренней речи. Письменное сознание языковой личности является призмой ценностного восприятия и индивидуальной интерпретации картины мира. В рамках данного подхода целесообразно обратиться к теории деконструкции письменного текста, разработанной известным французским постструктуралистом Жаком Деррида. Данный подход позволяет в процессе диагностики текста дружеского письма эксплицировать его смысловой центр, а именно, эго-центр, который является для адресанта базовым ориентиром в становлении его индивидуальной аксиологической картины мира, а также аксиологического восприятия окружающей действительности всего лингвосоциума, т.к. в работе анализируется языковая личность творческой интеллигенции как генератора национальной культуры.

Под дружеским эпистолярным дискурсом в работе понимается форма письменной межличностной коммуникации, основанная на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и допущении в личное пространство («я – друг»), а также предполагающая социальные отношения иерархического плана («я – коллега/друг»). В соответствии со сказанным выделены подвиды дружеского эпистолярного дискурса: интимно-дружеский (обращение на «ты») и условно-дружеский (обращение на «Вы»).

Дружеское письмо является разновидностью эго-текста, позволяющее рассматривать языковую личность автора как исследователя и интерпретатора собственного творчества, а также создателя определенного способа презентации и прочтения собственного «я» [Луцевич 2008]. При этом дружеские письма творческой интеллигенции отмечены исповедальным характером, способствующим проявлению авторского сознания, что стало кульминационным моментом в развитии эпистолярной коммуникации и положило начало так называемой исповедальной традиции в эпистолярно-вербальном поведении с его «сознанием вслух» [Ильин 1993]. Следует также учитывать дискурсивные характеристики эпистолярия, а именно, диалогичность, диссимметрию и отражение речевого этикета, способствующие экспликации

мировоззренческих универсалий и ценностных ориентаций творческих личностей как представителей определенного этносоциума.

Анализируя феномен дружеской эпистолярной коммуникации с позиции социальной психологии, необходимо учитывать не только фактор адресанта, но и наличие коммуникативной триады: адресант - адресат – канал коммуникации, каждый из компонентов которой является ценностной доминантой межличностного общения [Ерофеева 2010]. Со сказанным коррелируют принципы лингвоаксиологического подхода, согласно которому в процессе интерпретации дружеского эпистолярного дискурса учитываются базовые ориентиры аксиологии дискурса в целом, т.е. оценочное отношение к коммуникативному партнеру, к каналу общения, к жанрам дискурса [Слышкин 2000].

Изучение дружеского эпистолярного дискурса в аспекте аксиологической интерпретации сопряжено в настоящее время с выявлением специфики языковой картины мира (Ю.Д. Апресян, Е. Оксаар, А.Д. Шмелев), национального менталитета (И.Ю. Марковина, В.А. Митягина, О.Г. Почепцов, Ю.А. Сорокин), теорией речевых жанров (М.М. Бахтин, М.П. Брандес, В.В. Дементьев, В.И. Провоторов, О.П.Фесенко и др.), с понятием эго-текста (Н.А. Богомолов, М.Л. Михеев, И. Паперно, К.С. Пигров, А. Эткинд и др.), особенностями речевого этикета (Н.Е. Богуславская, Н.И. Формановская, Т.В. Цивьян и др.), с исследованиями диалогической речи, поскольку дружеская переписка отражает диалогическое общение двух коммуникантов, с описанием синтаксических и композиционных особенностей диалогической структуры письма (Н.И. Белунова, Н.А.Ковалева и др.), спецификой коммуникативной стратегии текста, а также реконструкцией языковой личности эпистолярного дискурса в диахронии (Н.С. Баланчик, Е.В. Трофимова, С.А. Шилина), самопрезентацией языковой личности в электронном общении (А.В. Курьянович, Т.Н.Ступина, К.С. Цибизов и др.).

В работе предлагается описание языковой личности дружеского эпистолярного дискурса в лингвоаксиологическом аспекте посредством двухуровневой модели (см. ниже).

Уровень общих ценностей, представленный коммуникативной парадигмой адресант - канал коммуникации – адресат, коррелирует с макроуровнем дискурсивного конструкта, а именно текстом дружеского письма. Уровень частных ценностей представлен совокупностью личностно-индивидуальных мировоззренческих взглядов и выявляется в микроструктуре дискурса, единицей анализа которого выступает высказывание с эмоционально-оценочным модусом. Эксплицитный и имплицитный эмоционально-оценочные модусы обуславливают доминирование композиционно-речевых форм оценочной констатации и оценочного резюмирования в изучаемом жанровом пространстве.

Таблица 1

**Аксиологическая модель творческой языковой личности
в дружеском эпистолярном дискурсе**

Тип ценности	Дискурс-анализ	Единицы анализа
Уровень общих ценностей (подуровень макроструктуры дискурса)		
Адресант	Семантическая деконструкция текста письма	Текст (семантический аспект)
Адресат	Коммуникативно- композиционная деконструкция текста письма	Текст (коммуникативно- композиционный аспект): этикетные формулы обращения, прощания, личной адресации
Письменный канал коммуникации	Семиотическая деконструкция текста письма	Текст (семиотический аспект): параграфемные средства (топографемные, синграфемные, средства)
Уровень частных ценностей (подуровень микроструктуры дискурса)		
Положительная/отрицательная оценка явлений социальной действительности	Лингвоаксиологическая интерпретация (выявление эмоционально- оценочного модуса)	Высказывание: композиционно- речевые формы (оценочная констатация, оценочное резюмирование)

Для выявления указанных общих ценностных доминант творческой языковой личности используются различные типы деконструкции текста дружеского письма. Так, для экспликации общей ценностной доминанты

«адресант», т.е. собственного Эго в сознании языковой личности в письменной речевой деятельности предлагается применить семантическую деконструкцию текста дружеского письма. При экспликации общей ценности «адресант» учитываются моменты самопрезентации языковой личности по аксиологической шкале «Я - отец», «Я - друг», «Я – писатель», «Я и искусство» и т.д.

Пример 1.

*Berkeley, 15. 8. 51
Otis Street 2928 112*

Mein lieber Hirschi!¹

Du wirst also Vater - meines Wissens zum ersten Mal - Du wirst mich ja nicht brauchen, um zu wissen, daß das etwas Tolles ist, herrlich und sehr seltsam. Ohne Kind kennt man nur die Hälfte unsrer wunderlichen condition humaine, glaube ich. So, lieber Freund, begrüße ich Dich herzlich unter den Vätern. Ich freue mich für Dich! Jetzt laß uns hoffen, daß alles gut geht. Ich weiß, daß Du Dich freust. Ich wünsche Euch Glück mit dem Kind.

Gestern bekam ich ein Bild meiner Familie. Du, das ist ein Gefühl, das zu nennen ich umsonst versuche: sie sind viele, Mehrzahl, nicht ohne mich und doch außer mir, ohne mich, durchaus ohne mich, jedenfalls mich überlebend, drei ganz verschiedene Wesen, ungewiß, welches an mir vorbei geht, welches etwas brauchen kann von dem, was ich zu geben imstande bin, und so weiter - ich schaue das Bild an, mitten drin meine Frau, die ich lieb habe, und doch ist es etwa so, daß es mich auch überzeugen könnte, wenn jemand käme und sagte: sie wissen nichts von dir, Max, ich habe sie gefragt, das mußt du dir eingebildet haben, aber sie lassen grüßen –

В данном отрывке письма, адресованного другу юности Вернеру Коннинксу, феноменологический голос автора отражает фокус сознания писателя на личности адресата, а именно, автор выражает положительное отношение к тому, что в семье друга родился ребенок. Далее мы наблюдаем смещение смыслового центра на тему собственной семьи, своего Эго. Макс Фриш сообщает другу о том, что получил фотографию жены и детей, которая вызывает у него всплеск противоречивых эмоций. Высказывание носит исповедальный характер, т.к. отражает двойственное отношение к себе, а именно «я – отец», «я – муж» (*nicht ohne mich, doch außer mir, ohne mich, durchaus ohne mich, jedenfalls mich überlebend/не без меня, все же без меня, без меня, совсем/непрерменно без меня, во всяком случае, меня переживая*). В данном случае очевидно переключение говорящего сознания на собственную личность, что обнаруживает когнитивный дуализм субъективности высказывания. Таким образом, будучи отцом и супругом, автор ощущает противопоставление собственного Эго семье, т.е. противостояние личности человека как части

¹ В данном и последующих письмах сохранена орфография оригинала.

социума и личности писателя-«одиночки». Как известно, в 1954 году, т.е. спустя три года после написания данного письма, писатель все-таки покинул семью. В плане выражения фокус сознания на собственной личности вербализуется посредством использования личных и притяжательных местоимений первого лица.

Анализируя общий корпус дружеских писем Макса Фриша общим количеством 1100 текстов на предмет выявления количества используемых местоимений, выявляем, что 85% (935 текстов) репрезентируют фиксированность сознания автора на собственной личности, что очевидно из приведенной ниже таблицы:

Таблица 2.

Общее количество местоимений	87535	100%
Личные и притяжательные местоимения первого лица	56372	64,4%
ich	29149	33,3%
mir	6040	6,9%
mich	9016	10,3%
wir	2976	3,4%
uns	2013	2,3%
mein	6040	6,9%
unser	963	1,1%
Личные и притяжательные местоимения второго лица	14005	16%
du	4990	5,7%
dir	2013	2,3%
dich	4989	5,7%
Ihr (устаревшая форма вежливости второго лица)	963	1,1%
euch	960	1,1%
Личные и притяжательные местоимения третьего лица,	17069	19,5%

неопределенно-личное местоимение man		
er	3676	4,2%
sie (Sg.)	2013	2,3%
es	2365	2,7%
sie (Pl.)	2013	2,3%
ihm	961	1,1%
ihr (притяж.)	962	1,1%
sein	2100	2,4%
man	2888	3,3%

В целях экспликации ценностной доминанты «адресат» целесообразно использовать коммуникативно-композиционную деконструкцию текста, посредством которой выявляется оценочное отношение адресанта к адресату через оформление композиционных звеньев указанного типа текста, а именно зачина, концовки письма и личной адресации. В данном контексте целесообразно обратить внимание на интерпретацию понятия дружбы. Отметим, что согласно русской коммуникативной традиции в новом толково-словообразовательном словаре русского языка под дружбой понимаются отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов [Ефремова 2000]. Согласно нормам коммуникативного поведения в немецкоговорящих странах под дружбой понимается следующее: *Freundschaft, die - Verhältnis zwischen Menschen oder zwischen menschlichen Gemeinschaften, das auf gegenseitiger Neigung und auf gegenseitigem Vertrauen beruht*, т.е. отношения между людьми, основанные на взаимном расположении и доверии [Bedeutungswörterbuch Duden 2002]. Таким образом, при сопоставлении приведенных дефиниций выявляем, что для русского дружеского контакта ключевым ориентиром является привязанность, предполагающая допущение в личное пространство коммуникантов, что не специфично для немецкого межличностного контакта дружеского характера: в данном случае основным свойством межличностного взаимодействия выступает взаимное расположение, которое подразумевает как допущение, так и недопущение в зону личной автономии. Следовательно, в плане уточнения в работе вводится оппозиция интимно-дружеских (обращение на «ты») и условно-дружеских (обращение на «Вы») писем. В последние десятилетия в немецких речевых стратегиях и в лежащих в их основе культурных ценностях произошли изменения. Речь идет о явном расширении сферы

употребления фамильярной формы обращения *du* (*duzen* – обращаться на «ты») вместо *Sie* (*siezen* – обращаться на «Вы»), а также о более редком использовании титулов, что свидетельствует о развитии межличностных отношений в направлении большего равноправия [Формановская 1989; Clyne 1995; Krumpholz-Reichel 1999; Вежбицкая 2001].

Наиболее типичными способами выражения обращений в немецкой эпистолярной традиции и соответственно в интимно-дружеских письмах Макса Фриша является имя прилагательное *liebe(r)*/дорогой, дорогая в сочетании с именем собственным адресата.

Пример 2.

Lieber Fritz,

Verspätet – ich komme aus den Verspätungen nicht mehr heraus – danke ich Dir für dein hübsches Theater-Büchlein...

(Männedorf, 02.08.1955)

Письмо адресовано швейцарскому писателю Фридриху Дюрренматту, другу и коллеге Макса Фриша.

Особый интерес вызывают обращения, выраженные сочетанием прилагательного *liebe(r)* с фамилией адресата, что отражает традиции дружеского контакта в немецкоязычных странах. Об этом свидетельствует также обращение на «ты» в дружеском письме.

Пример 3.

Lieber Dürrenmatt!

Vielen Dank für die Novelle, die mir einen starken Eindruck macht; ich werde sie bald wiederlesen – und sie da und dort verschenken...

(Zürich, 29.11.1950)

В форме обращения в приведенном отрывке письма, адресованного Фридриху Дюрренматту, выявляется ироничный оттенок дружеского контакта Макса Фриша с адресатом, детерминированный некоторыми разногласиями творческого плана. По словам Дюрренматта Макс Фриш писал, переживая события сам, а он не стремился к этому, что возмущало Фриша. Обращаясь к Фридриху Дюрренматту *Lieber*, Макс Фриш определяет дружеский характер контакта, однако, используя фамилию вместо имени собственного, он дистанцируется в пространстве эпистолярного контакта, защищая зону личной автономии ввиду имеющихся противоречий в момент написания письма.

Допущение в зону личного пространства вербализуется также посредством уменьшительно-ласкательных форм имени собственного (гипокористиков) адресата в сочетании с притяжательным местоимением *mein(e)* и прилагательным *liebe(r)*:

Пример 4.

Meine liebe Biggi!

Dein Schweigen – hoffentlich bedeutet es nur, dass Du irrsinnig glücklich bist.

(New York, 17.11.1952)

Письмо адресовано Бригитте Хорней, известной немецкой киноактрисе, с которой писателя связывали теплые дружеские отношения.

Пример 5.

Mein lieber Hirschi!

Du wirst also Vater - meines Wissens zum ersten Mal - Du wirst mich ja nicht brauchen, um zu wissen, daß das etwas Tolles ist, herrlich und sehr seltsam.

(Berkeley, 15. 08. 1951)

Письмо адресовано Курту Хиршфельду, другу Макса Фриша.

В приведенных фрагментах письма мы наблюдаем употребление гипокористиков [Языковая номинация 1977], уменьшительных, интимно-ласкательных имен [Бархударов 1975], репрезентирующих незначительную дистанцию между коммуникантами, следовательно, данный тип обращения способствует наиболее яркому выражению ценностной доминанты «адресат», т.к. Макс Фриш тем самым интимизирует дружеское общение, нивелируя дистанцию между собой и адресатом. В современной литературе по германистике выделяют несколько типов образования гипокористиков: бессуффиксальное использование первого компонента антропокомпозиата: *Friedrich*→*Fritz*; опущение одного из компонентов двучленного антропонима и добавление к оставшейся части имени суффиксов *-o*, *-a*, *-i*: *Brigitte*→*Biggi* (имя), *Hirschfeld*→*Hirschi* [Das große Vornamen-Lexikon 1998].

Условно-дружеские письма также способствуют реализации оценочной функции посредством обращения к адресату, тем не менее, здесь проявляется квалифицирующий характер оценки.

Так, для делового контакта, предполагающего иерархические отношения социального характера, а, следовательно, строгое соблюдение дистанции, в немецкой эпистолярной традиции принято использовать в обращении сочетание причастия *geehrt/verehrt* с именем нарицательным *Herr*, с именем нарицательным квалифицирующего характера и с именем собственным [Duden/Briefe gut und richtig schreiben 2006], что встречается и в эпистолярном наследии Макса Фриша.

Пример 6.

Verehrter Herr Professor Barth!

Eben habe ich Ihren Vortrag gelesen: Die Kirche zwischen Ost und West – und es drängt mich, ihnen zu sagen, wie glücklich und befreit ich nach dieser Lektüre bin...

(Zürich, 21.04.49)

Данное обращение заимствовано из письма Карлу Барту, швейцарскому кальвинистскому теологу, с которым Макса Фриша

сближал политический настрой: оба представителя творческой интеллигенции Швейцарии критиковали позицию противостоящих стран в период Холодной войны. О дружеском контакте свидетельствует также открытое выражение эмоций в тексте письма (*glücklich/счастлив, befreit/освобожден (морально)*).

Особое значение в контексте анализа оценочно-градуального характера межличностного контакта приобретает специфичная форма обращения, встречающаяся в условно-дружеских письмах Макса Фриша: сочетание двух определений, одно из которых «*lieber/дорогой*» отражает дружескую тональность письма, а другое «*verehrter/уважаемый*» способствует поддержанию уважительной дистанции. При этом отметим, что постановка того или иного определения на первое место подчеркивает степень дружеского отношения.

Пример 7.

Lieber verehrter Peter Suhrkamp!

Ich nehme an, Sie befinden sich in der Erholung, die Sie, als wir uns im Januar sahen, vorgesehen haben; hoffe, dass es Ihnen da wohlergehe.

(Territet/Montreux, 11.03.54)

Данный тип обращения специфичен для многочисленных писем Макса Фриша издателю его произведений Петеру Зуркампу, с которым писателя связывала не только работа.

Несколько «прохладнее» и более церемонно проявляется дружеское отношение писателя к редактору газеты «*Neue Züricher Zeitung*» Эдуарду Корроди, что очевидно из постановки «уважительного» причастия на первое место:

Пример 8.

Sehr verehrter und lieber Herr Korrodi!

Eben habe ich die Honorare bekommen für meine beiden Aufsätze über Berlin und Wien.

(Zürich, 12.03.48)

На следующем этапе экспликации ценностной доминанты «адресат» обратимся к этикетным формулам прощания. Как известно, нормы написания немецкого письма предполагают несколько стереотипный набор этикетных клише [Duden/Briefe gut und richtig schreiben 2006], которые наличествуют и в эпистолярном наследии Макса Фриша.

Пример 9.

Mit vielen lieben Grüßen von Deinem

Max

(an Brigitte Horney, New York, 17.11.1952)

Пример 10.

grüßt Sie

Ihr Max Frisch

(an Paul Celan, Uetikon, 03.11.59)

Эпистолярное наследие Макса Фриша обнаруживает тем не менее многообразие концовок писем, где адресант не придерживается какой-

либо одной этикетной конструкции прощания, а предпочитает разнообразие, репрезентируя богатую палитру ценностного восприятия коммуниканта. При этом писатель использует индивидуальные неповторяемые формулы прощания с элементами косвенно-фатической адресации, что можно наблюдать в заключительных формулах в дружеских письмах, адресованных другу и коллеге писателя Уве Йонсону:

Пример 11.

Für heute und bis dahin wünsche ich Ihnen alles Glück für Ihr grosses Unternehmen und danke und grüsse Sie und Elisabeth

Herzlich Ihr Max Frisch

Und natürlich (Marianne ruft gerade herauf, weil sie meine Unzuverlässigkeit kennt) herzliche Grüsse von Marianne

(Küsnacht,

27.01.1971)

В данном примере Макс Фриш выражает оценочное отношение к коммуникативному партнеру посредством проявления внимания к его деятельности, а именно к лекциям Уве Уонсона в Нью-Йорке (*Für heute und bis dahin wünsche ich Ihnen alles Glück für Ihr grosses Unternehmen/ сегодня и всегда желаю Вам успехов в вашем деле*), а также посредством внимания к близким, а именно к супруге Уве Йонсона Элизабет (*grüsse Sie und Elisabeth/передаю привет Вам и Элизабет*), что отражено и в следующем примере:

Пример 12.

Ihnen, lieber und verehrter Uwe, wünsche ich die gute Vollendung und Elisabeth und Katharina und Sie grüsse ich in herzlicher Hoffnung auf Wiedersehen im herbstlichen Friedenau

Ihr Max Frisch

(Berzona,

10.07.1973)

В приведенном примере адресант использует формулу обращения: *Ihnen, lieber und verehrter Uwe, wünsche/Вам, дорогой и уважаемый Уве, желаю...*, что лишний раз позволяет выразить теплое дружеское отношение адресанта к другу.

В подобного рода концовках отчетливо просматривается положительно-оценочное отношение автора к адресату и его близким. Личностный настрой адресанта и характер содержания письма определяют выбор этикетных элементов, способов и приемов их обыгрывания.

Семиотическая деконструкция текста нацелена на выявление ценностной доминанты «коммуникационный канал» с помощью знаковой системы параграфемных средств, используемых адресантом для оформления текста дружеского письма. Так, в текстах дружеских писем Макса Фриша мы наблюдаем топографемные средства, т.е. плоскостное варьирование текста, а также многообразие синграфемных средств, а

именно, избытие пунктуационных знаков. Реализация когнитивной функции в приведенном дружеском письме осуществляется, прежде всего, через использование топографемных средств, к которым следует отнести рациональное членение на абзацы. Тем не менее, в тексте членение на абзацы может и вообще отсутствовать, если автор избирает подобный прием подачи информации. Но и такой текст сохраняет логическую последовательность тема-рематических цепей. Ср.:

Пример 13.

28.02.1953

Lieber Ludwig Hohl!

Dein Brief macht mich verlegen und freut mich - wie mich schon die Eckstein-Begegnung gefreut hat. Einen nicht eben meisterhaften (darum vielleicht verständlichen und nützlichen) Brief, den ich der Leih-Kommission schrieb, lege ich Dir bei. Ärgere Dich nicht daran! ... Daß Du, wie mir scheint, das Tagebuch überschätzt, ist nicht der Grund, warum ich mich freue über unser Du, das mir übrigens (so blöd ich mich anstellte) von Herzen selbstverständlich ist, dabei ungewohnt, anders als die Menge jener Duzungen, die sich leider auf Schritt und Tritt ergeben, <...> dann ist das Du die angemessene Form perfekter Beziehungslosigkeit. - Es ist einfach sehr schade, daß Du nicht in unserem Städtchen lebst, öfter auftauchst; <...> darin, empfinde ich, ist noch etwas Unwirkliches an unsrer Begegnung (vielleicht das, was Dich nachher etwas unsicher macht?). Don Juan beschäftigt mich weiter, obschon das Stück zu Ende geschrieben und im April auf den Bühnen zu besichtigen ist; ich sollte (und wollte) ein paar «Notizen» dazu schreiben; <...>

Auf Wiedersehen hoffentlich in Bälde

sehr herzlich dein

Frisc

h

В сокращенном варианте письма, адресованного швейцарскому писателю Людвигу Холю, с которым Макс Фриш познакомился в годы Второй мировой войны, наблюдается политематичность, репрезентированная в пределах одного абзаца: радость от дружеского характера общения с Людвигом Холем, несмотря на то, что в первую очередь они коллеги, сожаление по поводу нечастых встреч, продолжение работы над произведением.

Каждый отдельный топик выражен самостоятельным сложным синтаксическим целым, а следовательно, отдельной тема-рематической последовательностью. В абзаце наблюдается несколько стержневых фраз, т.к. он велик по объему и включает в себе ряд тема-рематических последовательностей, а именно:

Dein Brief macht mich verlegen und freut mich - wie mich schon die Eckstein-Begegnung gefreut hat. (1)

В начале абзаца Макс Фриш комментирует чувство смущения и радости от полученного письма от своего коллеги и друга.

Daß Du, wie mir scheint, das Tagebuch überschätzt, ist nicht der Grund, warum ich mich freue über unser Du, das mir übrigens (so blöd ich mich anstellte) von Herzen selbstverständlich ist...(2)

Здесь адресант выражает чувство радости от того, что коммуниканты общаются «на ты», что никоим образом не связано с лестными отзывами адресата по поводу публикации дневника адресанта.

Es ist einfach sehr schade, daß Du nicht in unserem Städtchen lebst, öfter auftauchst...(3)

В следующей стержневой фразе абзаца письма отражено сожаление Макса Фриша по поводу того, что его коллега не проживает в Цюрихе, что обуславливает непродолжительность общения.

Don Juan beschäftigt mich weiter, obschon das Stück zu Ende geschrieben und im April auf den Bühnen zu besichtigen ist.(4)

В заключение Макс Фриш затрагивает тему творчества, а именно, уточняет, что продолжает работу над произведением «Дон Жуан».

Объем и структура абзаца всецело связаны с личными пристрастиями адресанта, детерминирующими эффективное использование письменного канала коммуникации.

Логическим членением текста выступают параграфемные средства. Как свидетельствует контент-анализ корпуса интимно-дружеских и условно-дружеских писем Макса Фриша, его излюбленным средством членения текста на сложные синтаксические целые выступает тире после точки, завершающей предыдущую тема-рематическую последовательность (64% писем, обнаруживающих отсутствие абзацного членения). Часто используемые двоеточие и точка с запятой также используются писателем для квантования говорящего сознания на письме (25% писем).

Частные ценности Творчество, Дружба, Отцовство определяются как положительные или отрицательные посредством выявления эксплицитных и имплицитных эмоционально-оценочных модусов. Эксплицитная субъективная семантика высказывания обнаруживается, прежде всего, на уровне эмоционально окрашенной лексики в структуре в аффективных предикатов. Имплицитное оценочное отношение выявляется посредством контекстуального анализа, а также анализа синтаксической структуры предложения и оформления параграфемными средствами.

Пример 14.

Дружба

Dein Brief erleichtert mich sehr, entspannt mich wie aus einem Krampf, den ich vermutlich herumtrage, seit ich an dem Buch nichts mehr machen konnte ...

В данном высказывании из письма Эмилю Штайгеру от 09.11.54 наблюдается эксплицитное выражение положительной оценки дружбы,

т.к. писатель пишет другу о том, что его письмо облегчает тяжелое душевное состояние М. Фриша. Эмоционально-оценочный модус высказывания выявляется посредством положительной семантики лексических единиц, выступающих в роли предикатов: *erleichtern* (облегчать), *entspannen* (расслаблять), усиливается сравнительным оборотом *wie aus einem Krampf* (как от судороги/спазма). Также мы обнаруживаем здесь позитивное отношение автора к творчеству: Макс Фриш в момент обращения к другу в письме испытывает некий ступор, спазм, т.к. не может продолжить написание книги. В ходе контекстуального анализа можно прийти к выводу, что автор страдает от невозможности продолжать работу над книгой (имплицитный эмоционально-оценочный модус). Функционирование эмоционально-оценочных модусов определяет преобладание композиционно-речевых форм оценочной констатации и оценочного резюмирования в жанровом пространстве дружеского эпистолярия.

Композиционно-речевые формы оценочная констатация и оценочное резюмирование в совокупности позволяют получить наиболее полное представление о негативном/позитивном отношении Макса Фриша к определенной частной ценности. Оценочный характер указанных композиционно-речевых форм эксплицируется, прежде всего, на уровне синтаксического оформления высказывания, а также на уровне эмоционально окрашенной лексики в структуре эмоционально-оценочных модусов.

Пример 15.

Lieber Werner!

Zu denen, die Dich in einem Paradies wähnen, habe ich nicht gehört; in der Sklaverei, die unser sogenannter Beruf tatsächlich darstellt, denke ich oft an Dich, lieber Werner, und trotz allem nicht mit Neid, ich weiß zu genau, daß ich mich vor dem Tausche fürchten würde, und das heißt allerhand, wenn man Tag für Tag seine besten Stunden verkauft, um abends heimzukommen, ein wenig müde, ein wenig verbraucht und keineswegs erfüllt, immer mit einer trügerischen Hoffnung auf den nächsten Feierabend, auf das nächste Wochenende, das dann unter diesem gehäuften Anspruch, so kurz ist, daß es fast wieder eine Qual bedeutet (оценочная констатация). Es ist eine Form von Dasein, die nichts mit Leben zu tun hat; fristet sich durch, es ist ein Dasein, das innerlich nicht rentiert (оценочное резюмирование).

В данном дружеском письме Макса Фриша ярко проявляется его негативное отношение к работе в архитектурном бюро, которое в свою очередь является одной из составляющих его системы частных ценностей. В указанном фрагменте письма констатируется работа в бюро, которая предполагает пребывание сотрудника на рабочем месте отведенное количество часов ожидания конца рабочего дня, в течение всей недели в надежде на выходные. Подтверждением тому, что здесь преобладает такая

композиционно-речевая форма, как констатирование, служит, прежде всего, повествовательная форма предложения, что подтверждается как использованием соответствующих знаков препинания, так и конструкций с глаголами *denken/думать, полагасть, wissen/знать, heißen/значить* (в обороте *das heißt/это значит...*). Кроме того, синтаксический строй сложного предложения обнаруживает значительное количество придаточных определительных и дополнительных предложений, придающих оценочной констатации детальный характер. Использование приложения, выраженного именем прилагательным, также создает впечатление бесспорного утверждения, например: *wenn man Tag für Tag seine besten Stunden verkauft, um abends heimzukommen, ein wenig müde, ein wenig verbraucht und keineswegs erfüllt / когда день за днем продавая свои лучшие часы жизни, чтобы прийти домой, немного уставшими, немного изможденными и абсолютно без чувств*. Следует заметить, что данная констатация носит собственно негативный характер, доказательством чему является экспрессивно окрашенная лексика: *die Sklaverei/рабство, der unser sogenannter Beruf/наша так называемая профессия, seine besten Stunden verkaufen/продавать лучшие часы, ein wenig müde/немного уставший, ein wenig verbraucht/немного изможденный, keineswegs erfüllt/абсолютно без чувств, mit einer trügerischen Hoffnung/ с обманчивой надеждой, unter diesem gehäuften Anspruch /под давлением нагроможденных работ, eine Qual/ мука*.

Оценочное констатирование логически сменяется в данном высказывании *резюмированием* всего написанного: *Es ist eine Form von Dasein, die nichts mit Leben zu tun hat; fristet sich durch, es ist ein Dasein, das innerlich nicht rentiert/Это такая форма существования, которая не имеет ничего общего с жизнью; она только разрушает, это существование, которое ничего не значит для внутреннего мира(человека)*. Характер оценочного резюмирования эксплицируется на уровне синтаксической организации высказывания, а именно, посредством повторов: *Es ist eine Form von Dasein, ...es ist ein Dasein / это такая форма существования, ...это такое существование*). Кроме того, четкая модель сложного предложения, обнаруживающего наличие однотипной структуры главного предложения *es+V+S*, где *V* – это глагол, *S* – имя существительное, а также однотипных определительных придаточных предложений обуславливают четкость вывода из приведенной выше констатируемой информации.

В заключение отмечается, что межличностная коммуникация как форма активного речевого взаимодействия индивидуумов является своеобразным феноменом языковой культуры каждого отдельного лингвосоциума. Реконструкция национальной картины мира в сознании личности вербализуется в текстах, детерминированных субъективностью восприятия явлений действительности, к которым по праву относят эго-

документы, а именно, дневники, автобиографии, частные письма интимно-дружеского и условно-дружеского характера. Такой подход позволяет определить перспективы дальнейшего изучения эпистолярного дискурса с включением в него виртуальных форм межличностного общения: электронных дневников, блогов, чатов на базе предлагаемой в работе аксиологической модели языковой личности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Фокина, К. В. Самоидентификация как основа моделирования аксиологической картины мира [Текст] / К. В. Фокина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 117. – СПб., 2009. – С. 224-229.

2. Фокина, К. В. О функциональности параграфемных средств в письменном канале коммуникации [Текст] / К. В. Фокина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. – Челябинск – 2010. – Вып. 43. – № 13 (194). – С. 146-149.

3. Фокина, К. В. К вопросу о культурологических ценностях и средствах их языкового выражения в эпистолярном наследии швейцарского писателя Макса Фриша [Текст] / К. В. Фокина // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : сб. ст. / отв. ред. Т. И. Сосновцева. – Саратов : Научная книга, 2005. – С. 89-97.

4. Ступина, Т. Н., Фокина, К. В. Эпистолярные тексты в аспекте аксиологической интерпретации (на материале писем Макса Фриша) [Текст] / К. В. Фокина // Жанры и типы текстов в научном и медийном дискурсе : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орёл : ОГИИК, 2006. – Вып. 4. – С. 272-279.

5. Фокина, К. В. Отражение когнитивного дуализма в эпистолярном тексте [Текст] / К. В. Фокина // Вопросы структурной, функциональной и когнитивной лингвистики: теория и практика : материалы докладов Междунар. научно-методич. конф., Саратов, 26-27 марта 2007 г. – Саратов : ИЦ «Наука», 2007. – С. 381-385.

6. Фокина, К. В. Аксиологическая модель эпистолярного дискурса [Текст] / К. В. Фокина // Языковые и культурные контакты : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Я. Минор. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – Вып. 2. – С. 126-130.

7. Фокина, К. В. К проблеме моделирования эпистолярного дискурса [Текст] / К. В. Фокина // Актуальные проблемы лингводидактики и лингвистики: сущность, концепции, перспективы : материалы Междунар. научно-практич. конф., 21 октября 2008 г. – Волгоград : Парадигма, 2008. – С. 273-279.